

Глава 9. Революция пожирает своих вождей

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можешь, Авва Отче,
Мимо эту чашу пронеси.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.
Борис Пастернак, «Гамлет»*

Любовь и коварство

*Вдруг из подворотни страшный великан,
Рыжий и усатый таракан!
Таракан, Таракан, Тараканище.
Он рычит и кричит, и усами шевелит:
«Погодите, не спешите, я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую».
Звери задрожали, в обморок упали.
Волки от испуга скушали друг друга.
Бедный крокодил жабу проглотил.
А слониха, вся дрожа, так и села на ежа...
Корней Чуковский «Тараканище»*

Во все времена, от Римской империи до времен «перестройки» и далее, жестокие законы политической борьбы сталкивали в острой схватке бывших соратников, оказавшихся у вершин власти. Не брезгуя ни убийствами, ни казнями по вздорным обвинениям, они добивались свержения бывших сподвижников, приведших их к победе. Так поступили вожди Великой французской революции, Ленин, Гитлер, Мао Цзэдун, Хрущев, Брежнев, Горбачев. Сталин не был исключением из общего правила, но масштабы его чистки превзошли все исторические аналоги.

Сотрудничество с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым сменилось борьбой против них. Изменилось и их отношение к Сталину. Даже к верным сторонникам Сталин был безжалостен. Об этом свидетельствуют самоубийство Орджоникидзе в 1937 г., ссылка Георгия Жукова после войны, выступление против Молотова и Микояна на октябрьском пленуме 1952 г. Предназначив себе роль вождя народа, строившего социализм, Сталин возомнил себя вправе казнить и миловать всех, над кем стал властвовать, и даже тех, кто привел его к власти. Всенародное восхваление не прибавляло ему ощущения безопасности, он чувствовал, что соратники по партии готовы отнять у него власть.

Он хорошо помнил, что старая партийная гвардия, и сам Ленин в последние месяцы жизни часто игнорировали его, пытались отделаться. Внезапная перемена в отношении к нему оставшихся в живых товарищей больше походила на лицемерие, которое он сам не раз демонстрировал по отношению к ним. Сталин не доверял почитателям, особенно из близкого окружения. Он ненавидел и боялся Троцкого,

панически переоценивал его роль и влияние в партии; именно поэтому в январе 1929 года выслал его из страны. Несколько тысяч сторонников левой оппозиции были арестованы и отправлены в Сибирь после XV съезда партии в декабре 1927 года. Там они и остались.

Когда Сталин объявил о новой политике коллективизации и быстрой индустриализации, Бухарин, Рыков и другие забеспокоились. Они понимали, что получить поддержку всей партии против Сталина не смогут, но надеялись разгромить его в Политбюро и ЦК. Заседание ЦК (июль 1928 г.) было бурным. Но по официальным отчетам в советской печати того времени создавалось впечатление, что там царил дух компромисса. Принятая резолюция подтвердила приверженность НЭПу, объявив слухи об отказе от этой политики «контрреволюционными». Мелкое и среднее крестьянство по-прежнему считалось основным производителем зерна. Осуждались суровые ограничения, налагаемые на кулаков, и силовые методы изъятия излишков зерна.

11 июля 1928 года Бухарин неожиданно позвонил Каменеву. Он был крайне возбужден и в паническом состоянии прокричал, что линия Сталина приведет к уничтожению революции, и что их разногласия со Сталиным намного серьезнее, чем его с Каменевым. Несколько раз в разговоре он назвал Сталина «Чингисханом, который задушит нас». Бухарин, который многое сделал, чтобы уничтожить Каменева политически, сейчас пытался найти подходы к нему. Он понимал, что Сталин для разгрома правого уклона пойдет на союз с Каменевым и Зиновьевым. Но мольба о помощи не оказала воздействия на Каменева. Он, как и Зиновьев, надеялся, что нужен Сталину, и когда-нибудь тот опять позовет его и вернет на руководящую должность в партии. Все они продолжали недооценивать Сталина. Бухарин наивно рассчитывал, что при поддержке зампреда ОГПУ Ягоды, Калинина, Ворошилова и Орджоникидзе он сможет бороться с безумной политикой Сталина. Но они проголосовали за нее. Сталин же пока не пошел на разрыв с Бухариным, Рыковым и Томским.

А на VIII съезде профсоюзов нанесли удар по Томскому. Съезд одобрил программу индустриализации, потребовал свободы критики и большей демократии в профсоюзах и права снятия любого должностного лица, что было направлено против Томского, известного авторитарными методами руководства. В следующем году Томского освободили от должности руководителя профсоюзов. Власть перешла в руки Сталина и его окружения, включая Кагановича, избранного на съезде в состав президиума.

Бухарин и Рыков поняли, что приближается развязка. Они находились под наблюдением ОГПУ, и Сталину стало известно о поисках Бухариным подходов к Каменеву. Бухарин не претендовал на лидерство. Он соглашался признать первенство Сталина, но отчаянно протестовал против жесткой политики в отношении крестьянства. В феврале 1929 года Бухарину, Рыкову и Томскому предъявили обвинение в связях с дискредитировавшим себя Каменевым и в защите кулаков. Их обвинили в попытке создания фракции и «сотрудничестве с капиталистическими элементами». Надо сказать, что в то время борьба шла на съездах, конференциях и заседаниях. Сталин, не имевший ораторских и публицистических способностей, все же переигрывал оппонентов. Он ловко

пользовался ими же принятой резолюцией о запрещении фракционной борьбы, изгоняя фракционеров из партии, а, следовательно, и с руководящей работы.

После XVI съезда были разгромлены три группы оппозиционеров. Первая группа состояла из молодых членов партии. Ее возглавил Т. И. Сырцов, которого сам Сталин притащил из Сибири, — Сырцов был кандидатом в члены Политбюро, премьер-министром РСФСР. Он хотел объединить правых и левых уклонистов. С помощью ОГПУ разоблачен как фракционер. В декабре 1930 он и его последователи сняты со своих постов.

В конце лета 1932 года, когда голод только начинался, раскрыли оппозиционную группу М. Рютина, секретаря Московского парткомитета, сторонника Бухарина. В документе под названием «Платформа Рютина» он называл Сталина «внешним агентом-provокатором, разрушителем партии» и «могильщиком революции в России». В 1927 г. Рютин был одним из самых ревностных сталинистов. Он часто возглавлял банду хулиганов, которая срывала митинги левой оппозиции в Москве. Но в 1928 году, как и многие другие руководители московского комитета партии, он выступил против авантюристических зигзагов сталинской политики того времени. С 1930 г. Рютин вел переговоры со многими старыми большевиками, настаивая на необходимости объединения против Сталина. В 1932 году он основал «Союз марксистов-ленинцев», который издал коллективный документ. В нем утверждалось, что старые оппозиционные разногласия потускнели перед новой разделительной чертой, прошедшей через всю партию. Эта черта пролегла между сталинской кликой, которая контролировала партию, и теми, кто находился в оппозиции к разрушению завоеваний Октябрьской революции. Платформа Рютина так пугала Сталина, что он даже не раздал ее программу членам Центрального Комитета, которые поэтому на пленуме осудили Рютина, не читая его платформы. ОГПУ арестовало Рютина и его фракцию, а также всех, кому он послал экземпляры программы.

Сырцова Сталин всерьез не принял, а платформой Рютина был разъярен. Открытое обвинение в адрес вождя вместе с предложениями снизить темпы индустриализации, отказаться от коллективизации дали Рютину много сторонников. Сталин потребовал расправы над Рютиным. Впервые он требовал смертного приговора члену партии. Обычно оппозиционеров преследовали, исключали из партии, отправляли в изгнание, но никогда не приговаривали к высшей мере. Хотя тысячи беспартийных были расстреляны, ни один член партии еще не был казнен. Сталин потребовал считать любую форму оппозиции предательством и изменой, наказывать ее смертью. Из десяти членов Политбюро только Молотов и Каганович поддержали требование Сталина; Ворошилов и Калинин воздержались, а Киров, Орджоникидзе, Косиор, Рудзутак и Куйбышев, видимо, были против. Масштаб деятельности оппозиции привел Сталина в ярость и подтолкнул к развязыванию «Большого террора».

Через несколько месяцев после рютинского дела ОГПУ «раскрыло» заговор А. П. Смирнова (член партии с 1898 г., один из секретарей ЦК ВКП(б), зампред Совнаркома РСФСР). Группа включала старых большевиков и профсоюзников. Все признаны виновными, но, учитывая возраст, к ним отнеслись сравнительно «мягко» (расстреляли только в 1938-м). Волна преследований усилилась после

раскрытия этих групп. Первые показательные процессы проводились еще в 1930 году. Они были как бы предупреждением интеллигенции, особенно инженерам, техникам и административно-хозяйственным работникам, что работать и служить надо, не задавая лишних вопросов. Обвиняемые признали ошибки и вину и получили различные сроки заключения.

С середины 1930 до конца 1933 года проводились и «чистки» среди членов партии. 611 членов партии и кандидатов осуждены за контрреволюционную деятельность, рассмотрено 40 тысяч заявлений о политических уклонах, 15 442 коммуниста исключены из партии.

Убийство Кирова — подарок судьбы и повод

Огурчики,

Да помидорчики...

А Сталин Кирова убил

В коридорчике.

Расстрельная частушка

Клевета. Не убивал он его, просто повезло. Мог бы убить — это было очень похоже на его практику. Потому и подумали на него, и даже Хрущев на XX съезде списал на Сталина убийство Кирова.

На самом деле — нужно принять во внимание сложившуюся в руководстве страной практику безоглядного разврата высшего партийного аппарата. Детей у Кирова не было, разводиться с женой было необязательно, даже, по пуританским партийным правилам, нежелательно. Как тогда говорили, «он ушел на сцену», то есть завел любовниц из Мариинского театра (впоследствии театр имени С. М. Кирова). Одна из любовниц Кирова — Мильда Драуле, работавшая официанткой в столовой Ленинградского обкома партии, была женой Леонида Николаева, который и убил Кирова.

1 декабря 1934 Киров после выступления перед партактивом ленинградской организации в Смольном вышел в коридор из зала заседания, почему-то без охранников. Николаев выстрелил ему в спину, а затем хотел застрелиться сам, но неудачно. Сталин немедленно выехал в Ленинград в сопровождении Ворошилова, Молотова и Кагановича. Он не принял версии об одиночке, ищущем отмщения на почве ревности, и заставил следствие искать связь между убийцей и оппозиционерами, в частности, с Троцким. Странные дела творились вокруг следствия. Известно, например, что Николаева, задержанного охраной Кирова с пистолетом и планом, на котором были вычерчены маршруты прогулок Кирова, отпустили по распоряжению Г. Ягоды. На вопрос Сталина, который лично стал допрашивать Николаева, почему тот стрелял, последний ответил: *"Они заставляли меня это сделать!"*, — указывая на чекистов. После этих слов чекисты стали избивать Николаева. Начальник охраны Кирова — Борисов — каким-то образом погиб в машине во время доставки его на допрос, на котором должен был присутствовать Сталин; работники НКВД привезли труп вместо живого свидетеля.

Вероятно, дело было не только в ажиотаже, разгулявшемся в ленинградском НКВД под пристальным вниманием высшего руководства страны, но и не в простой халатности. Шла сложная и нечистая игра, участником которой был и шеф

разросшегося полицейского аппарата страны Генрих Ягода. Сталин начал критику с пощечины, которую он влепил встречавшему его на вокзале шефу ленинградского НКВД Медведю. Менее чем через месяц, 29 декабря, Николаева расстреляли вместе с 13-ю его подельниками. Было репрессировано и руководство ленинградского НКВД. В 1935 году М. Драуле вместе с сестрой также расстреляли, а ее мать и всех родственников репрессировали.

Но основное подозрение на Сталина, как вероятного убийцу Кирова, пало на основании принципа: «смотри, кому это выгодно». Генеральный секретарь видел в руководителе ленинградской парторганизации главного соперника. Рой Медведев утверждал, что *«влияние Кирова в стране росло, и в 1934 г. он был, несомненно, вторым по авторитету человеком в партии... Грубый, властолюбивый, подозрительный и жестокий Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Растущие популярность и влияние Кирова не могли не вызвать у него зависти и подозрений»*.

Идея замены Сталина Кировым на посту генсека возникла тогда же на XVII съезде. По словам Р. Конквиста, *«группа ведущих лидеров — Петровский, Орджоникидзе, Варейкис — кажется, согласилась с этой идеей. Шеболдаев... пошел к Кирову с этим предложением. Киров решительно отверг его»*. Известно, что во время выборов членов ЦК на XVII съезде партии против Кирова было подано всего три голоса, против Сталина же 270. Если сведения, которые сообщил заместитель председателя счетной комиссии съезда В. М. Верховых, были верными, и Л. М. Каганович лично спрятал 267 бюллетеней, в которых фамилия Сталина была вычеркнута, вряд ли он скрыл этот факт от Сталина. В этом случае Сталин мог понять, что, по крайней мере, 22 процента делегатов не только являются его противниками, но и ведут лицемерную игру, так как ни в одном выступлении на съезде нельзя усмотреть прямой или косвенной критики Сталина. Более того, все ораторы съезда не раз прибегали к преувеличенным восхвалениям в адрес Сталина. Будущий секретарь Сталина Иван Товстуха, проанализировав все бюллетени, «вычислил» тайных оппонентов. Безжалостное уничтожение через несколько лет этого «Съезда победителей» косвенно подтверждает эти данные: из 1966 делегатов 1108 арестованы и погибли, из 139 членов ЦК, избранных на этом съезде, расстреляны 98.

Хотя съезд прошел благополучно для Сталина, по-видимому, он все же имел основания опасаться за свою власть. Он знал, что недовольство им растет, а следующий съезд партии надо было собрать через три года. И он решил уничтожить высшие партийные круги, из которых выбирали представителей на съезд. Их место должны занять молодые коммунисты, которые будут благодарны за выдвижение и станут его сторонниками. После съезда он начал подавлять малейшую оппозицию в партии, используя НКВД; членов партии стали расстреливать и ссылать десятками и сотнями.

Версию об убийстве Сталиным Кирова за несколько десятилетий ее существования не удалось ни достоверно доказать, ни столь же достоверно опровергнуть. Но плоды этого убийства Сталин использовал более чем продуктивно. Как и после смерти Ленина, было устроено грандиозное шоу «Похороны Кирова». Сталин поклялся отомстить врагам: объявил благородный

массовый террор, поддержанный пропагандой и населением. Произвели перегруппировку и увеличили численность карательных органов.

За что боролись, на то и напоролись

*Вот и стал таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому,
Чтоб ему провалиться, проклятому.
А он между ними похаживает,
Золоченое брюхо поглаживает...
Корней Чуковский. «Тараканище»*

Невозможно объяснить людям, не жившим в то страшное время, его психологические загадки. Безумные, совершенно алогичные обвинения в предательстве, двурушничестве, шпионаже и т. п. выдвигались Сталиным, которого не заподозишь в отсутствии логики, и его сатрапами в отношении людей вполне разумных, верой и правдой служивших делу построения социализма. Более того, было много случаев признания ими вины без пыток и угроз. Позднейшие исследователи считали, что все дело в больном воображении Сталина, его издевательском отношении к бывшим соратникам. Многие обвиняемые считали, что это — наглые выдумки следователей, о которых Сам не ведает. И писали ему верноподданнические письма. По резолюциям видно, что Сталин читал прочувствованные послания, но не верил им. А они думали, что письма до него не доходят.

Предложу свою версию этих фантастических обвинений заслуженным деятелям партии большевиков, многие из которых сделали революцию, вынесли бремя гражданской войны и разрухи.

Их обвиняли в предательстве дела социализма и коммунизма, партии, и это было вопиющей несправедливостью. Они сами недрогнувшей рукой подписывали смертные приговоры врагам революции, предателям дела их жизни, и знали, что ждет предателей. Но они никак не могли взять в разум, что для Него понятия партии, коммунизма и собственной личности — неразрывно связаны. А он через стукачей, доносчиков, ОГПУ был полностью осведомлен обо всех и обо всем, не только о написанных документах, но и о разговорах, направленных против него лично — гениального вождя, марксиста, «Ленина сегодня». Сталин пришел к выводу, что ему изменили. Они усомнились в его способности управлять государством, они договаривались о совместном выступлении на очередном пленуме об устранении его от власти, хотя бы снятии его с должности генерального секретаря, чего требовал еще Ленин, они писали письма его злейшему врагу Троцкому... Видя постоянные провалы его политики в деревне, в промышленности, в дипломатии, они, несомненно, лелеяли мысли о том, чтобы поставить его на место, которое он способен занимать по образованию, уму и кругозору.

Документы показывают, что Сталин сам сообщал следователям обвинительные заключения, а следователи соревновались в способности выбить признание любыми методами. Один любопытный факт указывает на то, что Сталин верил в

выдвигаемые им обвинения. Когда в июле 1941 он послал на расстрел группу генералов (Павлова и др.) за разгром Красной Армии немцами в начале войны, следователи, по заведенному трафарету, приписали генералам шпионаж, предательство и т. п. На протоколе рукою Сталина написано: «Не порите чепухи!». Одумался он, что ли, в результате шока от нападения Гитлера, как решили Д. Волкогонов и другие? Обвинения в шпионаже сняли, хотя генералов все равно расстреляли.

Но Сталин считал, что генералы уже прошли чистку и не могли быть шпионами. Назначенные на высокие посты перед самой войной на освободившиеся после расстрелов места, не имеющие опыта, связанные сталинскими указаниями «не устраивать провокации против союзников-немцев», они просто показали неумение управлять отступающими в панике войсками, которым даже не выдали боеприпасы. Нужны были «виноватые» в жутком провале обороны, уничтожении так и не взлетевших с аэродромов самолетов... Ведь не он же, в самом деле, должен был взять вину на себя! Генералов не хватало, некоторых даже вернули из тюрем. Но этих расстреляли, как Сталин привык это делать в гражданскую войну.

Что касается репрессий против старых членов партии, руководителей государства и партии: все ясно и справедливо — в его понимании. А они никак не могли понять, что им инкриминировали не предательство родины, революции, социализма, а предательство Сталина, шпионаж в пользу Троцкого, двурушничество по отношению к Генеральному секретарю. В воспаленном манией величия мозгу справедливость обвинения и необходимость беспощадной расправы не вызывали никакого сомнения. Это доказывает и его отношение к самоубийствам жены Надежды, Орджоникидзе, Томского. Они предавали Его, безгрешного вождя. И он не простил этого даже Наде — ни разу в жизни не посетил ее могилу, даже в день похорон.

Видимо, паранойя у него все-таки была, но она адекватно вписывалась в систему управления государством и партией, поощрялась рабской покорностью и страхом сподвижников. Стоит только понять основной критерий этой системы — безоговорочное подчинение лично Сталину, и все становится на места: террор, раскулачивание, ГУЛАГ, разгром культуры, науки, религии, бедность народа.

Выступая на заседании ЦК в феврале 1937 года, Сталин говорил о происках вредителей, иностранных агентов и троцкистов, пытавшихся подорвать партию и госучреждения изнутри. Чем громаднее успехи Советского Союза, тем больше усилий будут прилагать классовые враги и капиталисты, чтобы уничтожить его. Необходима постоянная бдительность, чтобы уничтожить таких людей, «под каким бы флагом они ни выступали, будь то Троцкий или Бухарин». Он как вирус ввел подозрительность в жизнь народа. Старых большевиков, которые знали ему истинную цену, и среди которых много сторонников Троцкого, нужно было уничтожить. Многие из них не приняли коллективизации, раскулачивания, фиктивного выполнения первого пятилетнего плана. Формально они поддерживали сталинскую линию, боялись Сталина, но могли повлиять на молодых. Он не желал терпеть членов партии, которые активно или пассивно боролись против него. Разумеется, они считали себя невиновными перед партией, обиженными страшной несправедливостью, жестокостью приговоров.

Члены партии чувствовали себя в безопасности вплоть до убийства Кирова, ведь до этого членов партии только ссылали. Но ведь и сами они не щадили врагов: кулаков, буржуев, офицеров царской армии, мятежников, нэпманов, даже членов союзных партий — меньшевиков, эсеров, кадетов. И эту практику ввел не Сталин. У всех революционеров руки были в крови. Они поддерживали аресты и казни. Не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. В этом списке не было исключений, «гуманных» строителей коммунизма. Они все повязаны кровью — Ленин, Свердлов, Дзержинский, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский, Пятаков, Крыленко, Антонов-Овсеенко, Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир... А что говорить о Ягоде, Ежове, Поскребышеве? Так, например, Свердлову принадлежат идеи расказачивания и цареубийства; Фрунзе и Тухачевский руководили кровавым подавлением восстаний в Воронеже и Тамбове; Бухарин, Рыков и Томский одобряли расправу с левой оппозицией в 1927; Рыков и Куйбышев — руководили индустриализацией, которая тоже не обошлась без крови. Кровавое подавление инакомыслия на Руси было в традиции. Стоит только вспомнить войну Суворова против Пугачева.

В мае 1935 года ЦК дал указание провести сверку документов членов партии. За три года более полутора миллионов членов и кандидатов в члены партии изгнали из нее. Это автоматически приводило к арестам и расстрелам, но было только началом «великой чистки». Все слои общества оказались втянутыми в страшный водоворот террора, свирепствовавший четыре года. В результате Сталин добился полнейшего подчинения членов партии ему лично как вождю.

Тот факт, что Сталин упомянул Бухарина вместе с Троцким, означал только одно — Бухарин обречен. Бухарин и Рыков попытались защитить себя, но их заставили замолчать. Отовсюду неслись крики «арестовать, судить, расстрелять». Сталин поставил последнюю точку: «Пусть с этим разберется НКВД». Террор добрался и до партии. Впервые Сталин потребовал расстрела членов партии в связи с делом Рютина. Его тогда не поддержали, но после убийства Кирова он добился применения террора в партийной среде.

Власть и авторитет Сталина были огромны. Он олицетворял партию, которой все они служили, и его слово стало законом. Культ Сталина, сложившийся в начале 30-х годов, сравним с прижизненным обожествлением древнеримских императоров. Сталин пользовался неоспоримым авторитетом не только среди друзей, но и среди политических врагов. Один из корреспондентов Троцкого в России так описывал настроения бывших членов разбитых «оппозиций»: *«Они все говорят о ненависти к Сталину... Но часто добавляют: "Если бы не он... все бы развалилось на части. Именно он держит все вместе»*. Они называли Сталина Чингисханом, азиатом, новым Иваном Грозным. Их ворчание и эпитеты немедленно сообщали Сталину, у которого всюду были уши. Он знал истинные чувства униженных им противников и цену их публичных славословий.

В декабре 1937 года, после принятия новой Конституции СССР, началась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Выборы были без выбора, как во все последующие 50 лет — в бюллетени включалась фамилия лишь одного кандидата, выделенного партийными органами. За «кандидатов блока коммунистов и беспартийных» отдали голоса 96,6% избирателей. Накануне выборов Сталин выступил в Сталинском избирательном округе Москвы: *«Вы можете полностью*

полагаться на товарища Сталина». Ведь Сталин выше чисток, измены и предательств. Он вождь. Его выбрали, ему поклонялись, его благодарили за террор в отношении предателей, — с какой стати ему сомневаться в праве казнить и миловать. Люди сами благословили его править ими.

Игра в поддавки — ставка больше, чем жизнь

*Когда постарею,
Пойду к палачу,
Пусть вздернет на рее,
А я заплачу.
В. Высоцкий*

Как выглядели и чем продиктованы покаяния репрессированных членов партии? В конце двадцатых партия играла главную роль в жизни старых революционеров. Она стала делом их жизни, заменила им религию, патриотизм, гуманизм. Партия объединяла их для достижения высоких целей. Исключение из этого сообщества означало политическую смерть, и исключенные делали все, чтобы вернуться в лоно партии. Сталин подчеркивал, что повинование и дисциплина являются основными качествами члена партии, хотя сам удерживал определенную степень независимости от нее. Он раньше всех понял, что, укрепив партию, получив полный контроль над ней на принципах, изложенных, хотя и не вполне реализованных, Лениным, он получит неограниченную власть.

Следует учесть, что неискренность, двуличие, обман партии считались особо тяжкими преступлениями, несовместимыми с пребыванием в ее рядах. Например, выступая на съезде, Зиновьев квалифицировал хранение программы Рютина у себя в сейфе, как тяжелую ошибку, за которую он «был наказан партией вторично и поделом». Исходя из критериев, принятых в партии, голосование против Сталина на съезде, который превратился в демонстрацию всеобщей любви к вождю, означало, что, по крайней мере, каждый пятый делегат съезда мог быть обвинен в «непрямоушии по отношению к партии», в котором каялся Зиновьев. Правда, у делегатов съезда не было реальных способов выказать недовольство Сталиным, разве что проводить кулуарные встречи и использовать бюллетени для тайного голосования. Отказываясь от прямой и открытой борьбы, оппозиционеры чувствовали, что и сталинисты, и антисталинисты в одной лодке.

«Заговоры» против Сталина имели место. Зиновьев и Каменев считали необходимым сместить Сталина и даже вступить в контакт с Троцким. В 1932 году прошла серия переговоров о том, как сформировать общий антисталинский блок из всех оппозиционных групп. До этого, в 1931 г., А. П. Смирнов встречался с сыном Троцкого Львом Седовым, когда Смирнов был в официальной командировке в Берлине. Они обменялись мнениями о возможности сотрудничества между Троцким и советскими оппозиционерами. Но когда после ареста в 1932—1933 годах, членов этих групп спрашивали, кто принимал участие в объединившем левых и правых оппозиционеров блоке, следователи не смогли обнаружить доказательств его существования. Только после волны новых арестов и применения жестоких пыток следователи смогли «доказать» существование

антисталинского блока, включавшего не только старых оппозиционеров, но и многих новых членов партии.

Сталин присвоил исключительное право, в отличие от всех остальных, не исповедоваться перед партией и не рассказывать о своих планах, контактах и сомнениях. Он исповедовал другой партийный принцип: ради победы — все разрешено. Это поразительно напоминает уроки «Майн Кампф» Гитлера. Но сходство двух вождей на этом не кончается.

Сталин поднял волну энтузиазма, бескорыстного труда во имя построения социализма. Люди верили, что они строят социализм в России, чтобы указать путь всему миру. Ради этой цели задавались натужные темпы индустриализации, крестьян принудительно загоняли в колхозы. В первую очередь необходимо было догнать и перегнать промышленно развитые государства Запада, чтобы обезопасить страну от возможной интервенции — о предыдущей страна хорошо помнила.

Все ли поверили в необходимость кровавой мясорубки, или только смирились с необходимостью защитить партию именно таким способом? Но процесс пошел. Более сотни людей, арестованных сразу после убийства Кирова, обвинены в контрреволюционных действиях и расстреляны. В первые месяцы 1935 года несколько тысяч ленинградцев арестованы по подозрению в симпатиях к оппозиции и высланы в Сибирь. Зиновьев, Каменев и их сторонники обвинены в покушении на жизнь Сталина. Несколько человек расстреляли; Зиновьева и Каменева приговорили к тюремному заключению. Их Сталин уже не боялся: исключенные из партии, они признали ошибки и опять стали ее членами в июне 1928 года. Кампания против Бухарина и правой оппозиции дала им надежду на реабилитацию, поэтому Сталин был уверен в их послушном поведении. Но он не доверял им и был настороже.

В 1936 году в Москве проведено несколько показательных судебных процессов, поразивших мир. На этих процессах десятки близких друзей и сотрудников Ленина сознались в невероятных преступлениях против партии и страны, на самом деле никогда ими не совершавшихся. Первым из «капитулянтов» был Пятаков, которого Ленин называл человеком выдающихся способностей. В августе 1936 года проведен известный процесс по «делу шестнадцати». Зиновьев, Каменев и еще четырнадцать старых большевиков обвинялись в организации тайного террористического центра под руководством находящегося в изгнании Троцкого. Голословно утверждалось, что центр планировал убийство Кирова и покушение на жизнь Сталина и его ближайших сподвижников. Сталин понимал, с каким недоверием будут приняты эти обвинения, и поэтому приказал тщательно подготовиться к процессу. Цель — не только освободиться от старых большевиков, но и пересмотреть революционные традиции. Идеалами должны были стать служение Родине, лично Сталину. Процесс по делу «шестнадцати» показал, что «предатели» — даже среди старых большевиков. Они не герои, а враги, пытающиеся уничтожить завоевания пролетариата. Невозможно поверить, что Зиновьев и Каменев, старые соратники Ленина, занимавшие высокие должности, могли быть злейшими врагами новой России. Но на суде каждый из шестнадцати признал себя виновным в фантастических злодеяниях. Они раскаивались в содеянном. Все приговорены к смертной казни и расстреляны.

В ходе процесса обвиняемые называли имена других людей, якобы ставших на путь предательства. Главный обвинитель Вышинский приказал провести расследование по деяниям Бухарина, Рыкова и Томского. Через несколько дней старый большевик Томский застрелился. Самоубийство Томского и недовольство старых членов партии напугали Ягоду, других следователей. Кампания террора дала сбой. В это время Сталин вместе со Ждановым отдыхал в Сочи. Он очень удивился, узнав, что следствие по делу Бухарина и Рыкова прекращается за неимением доказательств. Об этом объявили 10 сентября 1936 года. А 25 сентября Сталин и Жданов подписали телеграмму на имя Кагановича, Молотова и других членов Политбюро, в ней они настаивали на немедленном назначении Ежова наркомом внутренних дел.

***

Смерть Серго Орджоникидзе, последовавшая вскоре после этого процесса, не поколебала жестокости Сталина. Серго был его старым другом и соратником. Еще в 1912 году Орджоникидзе рассказал Ленину о Сталине и сыграл важную роль в избрании Сталина в ЦК. Вместе они решали и грузинский вопрос. Орджоникидзе тоже прибегал к жестоким методам. Он признал лидерство Сталина, но как старый друг, член Политбюро и нарком тяжелой промышленности, высказывал ему открыто все, о чем думал. Говорят, он единственный протестовал против методов работы НКВД и ходатайствовал за арестованных. Но влияние его падало вместе с ростом влияния Лаврентия Берия — его врага и соперника. Практически все, кто знал Берия, ненавидели и боялись его. Орджоникидзе считал его беспринципным подлецом и говорил об этом Сталину. Но Берия смог возбудить подозрительность Сталина в отношении Орджоникидзе. Он был мастером интриг. Но, еще более вероятно, что Сталин сам, без участия Берия, решил отказаться от услуг Орджоникидзе.

Обвинения в саботаже и вредительстве в промышленности — основная тема показательных процессов. Газеты, радио призывали к бдительности и выявлению вредителей, что непосредственно затрагивало и Орджоникидзе. Его заместителя Пятакова обвинили в заговоре, саботаже и расстреляли. Было арестовано много сотрудников его комиссариата. От Орджоникидзе требовали представлять отчеты о саботаже и давать рекомендации ЦК, какие действия предпринимать против шпионов и вредителей. Террор проник и в личную жизнь Серго. НКВД арестовало его старшего брата. Допросы проводили с применением пыток. Показания искажались. Он тяжело переживал это. Здоровье Орджоникидзе было неважное — повышенное давление, слабое сердце. Но он отказывался от отдыха. Утром 17 февраля 1937 года у Орджоникидзе состоялся неприятный разговор со Сталиным. Он протестовал против обыска, проведенного НКВД в его квартире в Кремле по приказу Ежова. Сталин спокойно отвечал, что «НКВД может провести обыск даже в моей квартире». Орджоникидзе, без сомнения, жаловался на террор, на то, что арестованы его друзья и сотрудники. Оба вышли из себя. Старая дружба была забыта.

Орджоникидзе вернулся в свой кабинет и работал до двух часов следующего дня. По показаниям его жены, Зинаиды Гавриловны, он отказался лечь спать, отказался поесть и не разговаривал с друзьями по телефону, а целый день что-то писал. В 17.30 она услышала звук выстрела и, вбежав в комнату, увидела его

мертвым. Тут же позвонила Сталину, но, хотя его квартира была рядом, он пришел не сразу и уже в сопровождении членов Политбюро и Ежова. 18 февраля 1937 года газеты опубликовали сообщение о смерти Орджоникидзе от сердечного приступа. Свидетельство о смерти подписали четыре известных врача, троих из них впоследствии ликвидировали. Арестовали и членов семьи Орджоникидзе, кроме жены, и всех, кто работал с ним, даже сторожа на даче. Официальная версия о смерти Орджоникидзе просуществовала до 1956 года, когда Хрущев заявил, что Орджоникидзе застрелился.

Самоубийства беспокоили Сталина. Он считал их разновидностью предательства. Сначала жена предала его. А сейчас Серго. Протесты Орджоникидзе против ареста Пятакова и других показывали, что он не способен находить «оппозиционеров и предателей» в своем окружении. Не потому, что мягкосердечен и доверчив, а потому, что не верил в их виновность.

23 января 1937 года в Москве начался еще один большой процесс. Семнадцать человек обвинялись в том, что они являлись руководителями антисоветского троцкистского центра, тайно замышлявшего с помощью немецкого и японского правительств свергнуть Советскую власть. Их основным оружием был саботаж в экономике. И опять Вышинский был обвинителем. Он держался спокойно, так как дело было сфабриковано тонко. Да и поведение обвиняемых облегчало ему задачу. Они признавали практически все обвинения. Все признаны виновными. Тринадцать человек расстреляны, четверо приговорены к десяти годам заключения.

Полная поддержка народа позволила продолжить чистку. Проводилась подготовка к третьему и наиболее важному «процессу двадцати одного», который состоялся в марте 1938 года. Главными обвиняемыми стали Бухарин, Рыков и Крестинский, бывшие члены Политбюро; Ягода, бывший руководитель НКВД, который начал кампанию террора; Раковский, председатель Совнаркома Украины, посол СССР в Англии и Франции. Они обвинялись в шпионаже, терроризме, вредительстве, а направлял их якобы из-за границы Троцкий. Ягоде предъявили дополнительные обвинения в убийстве Менжинского, руководившего до этого НКВД, и в заговоре с целью убийства Ежова. Бухарина также обвиняли в сговоре с социал-революционерами в 1918 году с целью убийства Ленина, Сталина и Свердлова.

В отличие от намеченного сценария, Крестинский вдруг отказался от показаний и не признал себя виновным. Процесс пришлось прервать и «доводить» Крестинского, что и сделали. Рыков признал, что виновен в принципе, но не в конкретных преступлениях. Ни отказ от показаний, ни частичное отрицание вины не повлияло на судей. В конце концов, все обвиняемые признали себя виновными. Плетнев, Раковский и Бессонов приговорены к тюремному заключению, остальные — к высшей мере наказания.

Казнь Бухарина подчеркнула трагедию старых большевиков. Бухарин был одним из тех немногих, кого все любили. Хотя больше симпатий он завоевал нападениями на бывших коллег: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарин был прирожденным оратором и способным писателем. У него было много друзей. Ленин, который называл его «любимчиком партии», считал его «мягким воском», человеком политически нестабильным и легко возбудимым. Однако Бухарин никогда не выступал открыто против Сталина. В феврале 1936 года Бухарин вместе

с женой находился в Париже. Он входил в состав советской делегации, прибывшей выкупить архивы социал-демократической партии Германии, среди которых было много работ Маркса. Там, за границей, он с необычной прямоотой говорил о том, что боится Сталина. Но отказывался остаться за рубежом. Он знал, что его ждет, но, словно загипнотизированный, все же вернулся в Россию. Сталин не считал Бухарина серьезным противником, знал, что он не боец. Кроме того, Бухарин был интеллектуалом, космополитом, по взглядам более западником, чем русофилом. Но как оратор и писатель мог оказать влиятельную поддержку оппозиционному движению в период кризиса. И именно по этой причине, а не из-за личной мстительности Сталин ликвидировал Бухарина.

Сталин знал, что невероятные обвинения, предъявляемые на показательных процессах, сфабрикованы. Однако он был глубоко убежден в связях оппозиционеров с Троцким, а их конкретные преступления Сталина не интересовали. Для него обвиняемые являлись реальными или потенциальными противниками. Сталин понимал, что народ и мировое общественное мнение не разделяли его убеждений в виновности людей, многие из которых были соратниками Ленина. Личные признания обвиняемых должны продемонстрировать их измену и предательство. В НКВД применяли физические пытки и психологическое воздействие. Чтобы выбить признание, в заложники брали родственников и детей обвиняемых. Тщательно отрепетированные спектакли доказывали народу, зарубежным дипломатам, общественному мнению за рубежом, что обвиняемые осуждены справедливо. Правдоподобие полного признания вины всеми обвиняемыми досталось им дорого. До какого состояния нужно довести преданных партии людей, чтобы они приняли на себя вину в преступлениях, которых не совершали?

Но не только жестокие методы, применяемые в НКВД, смогли заставить таких людей, как Бухарин, Пятаков, посвятивших жизнь воплощению революционного идеала, признаваться в несовершенных ими преступлениях. Они, как старообрядцы, были членами особой секты, называемой партией. Ей они подчинялись, ей верили, ничего, кроме нее, святого у них не было. В подчинении воли, совести и взглядов высшей силе — партии — и заключалась трагедия этих людей. И позже, до самой смерти Сталина в 1953 году, его власть основывалась на терроре. Самые видные его помощники — члены Политбюро или ЦК исчезали неожиданно, без следа, обычно вместе со своими семьями. И никто не знал, почему и куда они исчезли. Народ его, как несмышленный ребенок, не должен участвовать в похоронах близких.